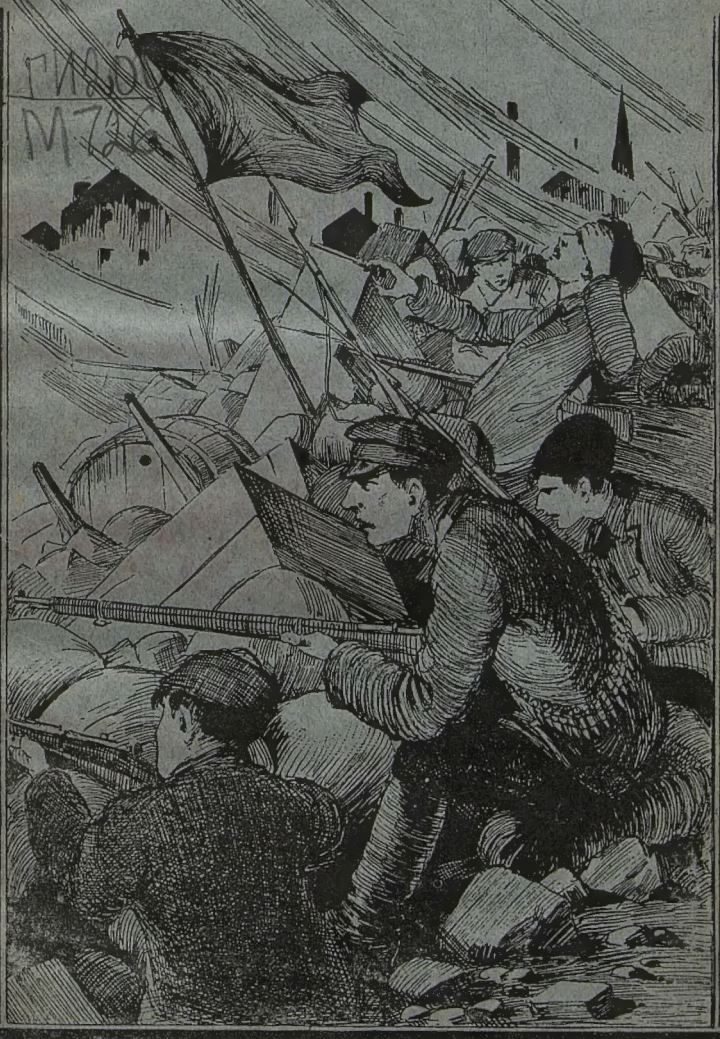
МОЛОДАЯ ПРЕСНЯ

в Октябре

сборник

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГИ 200
М 726

МОЛОДАЯ ПРЕСНЯ В ОКТЯБРЕ



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Красно-Пресненский Районный Комитет Р. К. С. М.

ГИ200р
М726

МОЛОДАЯ ПРЕСНЯ В ОКТЯБРЕ

Сборник статей и воспоминаний с приложением военного очерка восстания на Пресне и карты боев.

МОСКВА

1923.

1-й экз.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2006

ГИ2,00
М726 Р

К.
П

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)
№ 6754
1926
130119
35038
130119

Главлит № 4804 Учебн. Тип. Ц. Д. К. В. Р. М. Тираж. 10000.

Старой гвардии,

закаленной в боях — Р. К. П. (б).

ПОСВЯЩАЕТСЯ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Выпуская настоящий сборник статей и воспоминаний из истории и жизни нашей организации в Октябрьский период редакция считает необходимым подчеркнуть, что это — первая попытка районной, Красно-Пресненской организации, собрать, систематизировать тот материал, который был рассеян в случайно сохранившихся архивах, да в головах старых комсомольцев, продолжающих до сих пор так же близко стоять к Союзу, как и в 17 году.

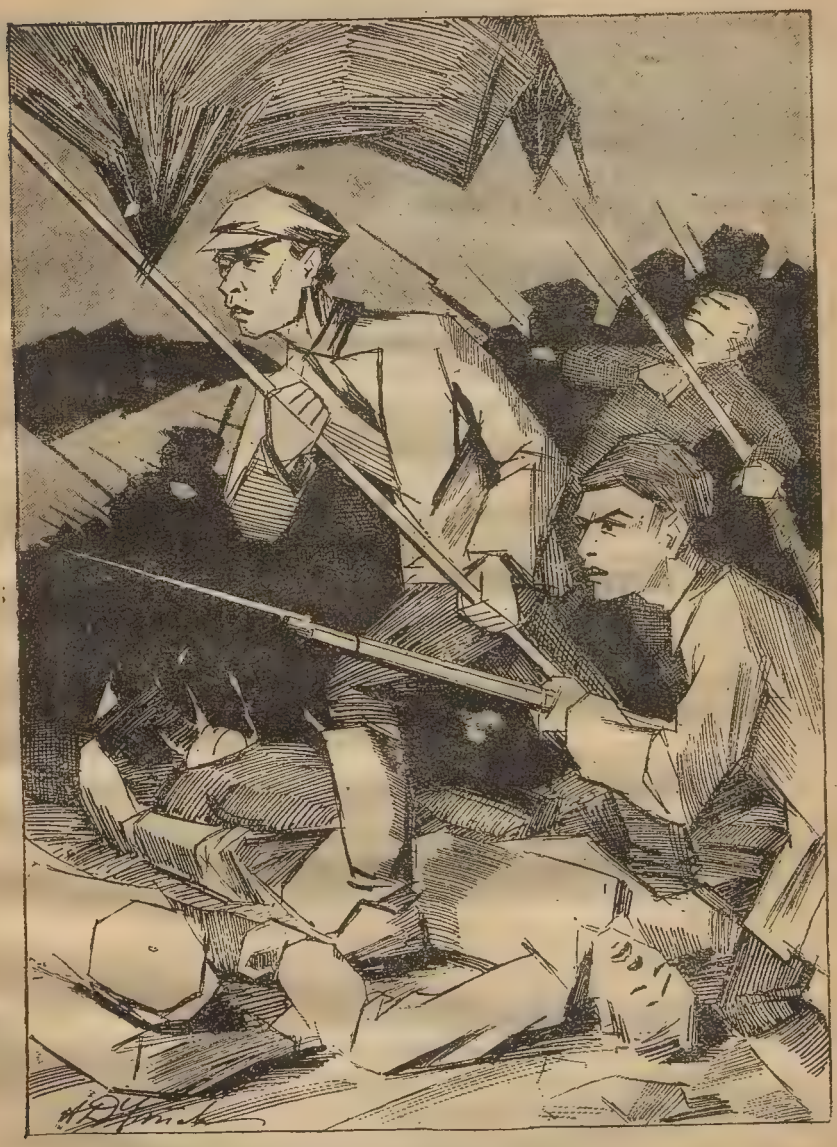
Нам бы хотелось, чтобы это небольшое, скромное начинание района послужило первым камнем, началом новой полосы жизни нашего Союза. когда организация сознательно хранит преемственную связь со славным, боевым прошлым, как в части тактической и политической нашего движения, так и в области романтики его, имеющих за собой опыт борьбы представляющий величайшую ценность для нового поколения, для повседневной, углубленной работы и жизни его.

Бешеный темп гражданской войны, некоторое смятение, внесенное Нэпом в нашу среду и заставившее нас искать новых методов и форм работы не давали возможности сосредоточиться на этой стороне. Теперь, когда Комсомол крепнет, становится на твердую, практическую почву организационной и воспитательной работы, чувствуется громаднейшая необходимость и потребность в совершенно ясной, теоретически отчетливой идеологии юношеского движения и в его романтике.

Сюда должны быть привлечены наши комсомольские силы, для систематической, организованной работы, иначе самое лучшее практическое достижение в одной области работы, из'яны в другой, несогласованность всех частей организации поведут к последствиям, которые трудно предугадать.

Идя навстречу созданию наибольшей сплоченности между комсомольцами, членами нашей организации, мы делаем еще шаг к сближению с нашей Партией, посвящая ей наш скромный труд.

Редакция.



Шагайте без страха по мертвым телам,
Несите их знамя вперед.

ОКТЯБРЬ НА ПРЕСНЕ.

В этой грозной, суровой песне
О великих, суровых днях—
Грохот выстрелов Красной Пресни
И чеканный, рабочий шаг.

Бури, бури покинули пристань!
Налилась чаша гнева всклень;
И рабочий пошел на приступ
Завоевывать завтрашний день.

Било сердце:
— Так надо... надо...
А пальцы выговаривали: — пли!
— Товарищи, на баррикады,
Чтобы наше Грядущее не погребли!

На сегодня оставим жалость,
Чтобы завтра под гнетом не очутиться!
И плотней к прикладам прижались
Бородатые и безусые лица.

Расцветали в глазах огни:
— Если надо — в огонь сунусь!
Это во имя твое, Юность,
Умирали в эти дни!

Умирали чтоб жить, чтоб воскреснуть
В том, кто первый на смену пришел, —
В каждом юноше Красной Пресни,
Поднимающем стяг „Комсомол".

Да! Погибших бойцов Труда
Не украли часы — шакалы.
Это с нами они всегда
В каждой демонстрации шагали!

Песней кончится эта песня
О великих суровых днях.
Молодая Красная Пресня
Отчеканит ее в веках.

А. Безыменский.

ЗАВЕТЫ ОКТЯБРЯ.

Всемирно-историческое значение Октября не исчерпывается только героическими, образцовыми и, пока, не превзойденными эпизодами борьбы за рабочее дело, величайшей самоотверженностью и героизмом молодежи в этой борьбе.

В революционные традиции рабочего класса Октябрем вписан не только безпримерный в истории борьбы классов момент, являющийся непосредственной, практической опорой всего современного, мирового рабочего движения и источником небывалой еще революционной романтики пролетарской борьбы, могущей воодушевить новые поколения передового класса; с ним связано величайшее, теоретическое достижение пролетариата — практический марксизм, — ленинизм, — отточенное, заостренное, очищенное от реформистской ржавчины, вспрыснутое рабочей кровью и героизмом, — живое орудие борьбы пролетариата, тактика массового, революционного действия, — та величайшая стратегия, которой еще не создал ни один полководец в мире, которая на далекое будущее, на целый ряд новых поколений даст пролетариату и человечеству неисчерпаемый источник новых побед по всей линии его исторического движения.

Для молодежи значение Октября еще неизмеримо ценней и глубже. Наш Октябрь для нашей русской молодежи, идущей на смену, замыкающей ряды старых борцов, имеет непреходящее, свое собственное значение.

Октябрь — истоки юношеского движения в России, корни нашей организации, и тот, кто из изучения нашей истории сумеет это понять и оценить, поймет и все остальное и заос-

тренный, политический интерес молодежи в 17 г., ее неудержимую революционность и романтизм и ту преемственную связь, которая красной нитью проходит по нашей истории от Октября до нашего времени, в периодической смене ее политических, злободневных задач.

Такое совпадение не случайно и поэтому оно должно быть положено в основу всей нашей работы, ибо в нем источник живучести и боеспособности Р. К. С. М., как политической организации рабочей мододежи.

Игнорируя момент Октября и рождения нашей организации мы не сможем установить, ни вытекающих отсюда задач движения, ни преемственной связи, которая существует между Октябрем и современностью, между октябрьскими баррикадами и школой фабзавуча. Если бы мы только чуточку внимательнее отнеслись к этому, если бы порой слишком не усердствовали за счет других методов работы, которым мы склонны придавать, подчас, самостоятельное, ничем не оправдываемое в рамках нашего движения, значение!

Октябрь — угол зрения, угол работы, дополненный, специальным нашим комсомольским содержанием ее, находящимся в зависимости от возрастных, экономических отличий нашего движения и тех исторических задач, которые ставятся молодому поколению рабочего класса.

И если одна романтика Октября не может стать единственным средством самовоспитания и борьбы рабочей молодежи, то со все большей настойчивостью и энергией мы используем то оружие, которое досталось пролетариату в Октябрьской борьбе, имя которому — практика марксизма или марксизм, приложенный в дело движения, в тактику и стратегию пролетарской армии.

Юношеское движение, оплодотворенное стройной, практической идеологией, обоснованной и жизнью, и наукой, должно итти не только по пути массовых и больших практических достижений, не только по пути неорганизованного под'ема, (что характерно для нас, особенно, теперь, в преддверии второго периода Нэпа), когда руководствуются интересами дня, постановлениями от одного с'езда до другого, а более отдаленных переспектив прошлого и будущего, более планомерной работы, оцениваемой, как вели-

колепно сказал тов. Троцкий: «с точки зрения всего нашего воззрения на всю переживаемую эпоху, — не для того, чтобы раствориться и растворять свою мысль в общих местах, наоборот, для того, чтобы из общей оценки вывести совершенно конкретные, отчетливые директивы для нашего поведения в ближайшее будущее».

И если Партия облегчила „наше рождение", то само собой понятно, она поможет нам выполнить заветы Октября, т. е. создание своей практической, комсомольской идеологии, усвоение и применение на практике самыми широкими кругами коммунистической и рабочей молодежи марксизма и ленинизма,—т. к. она первая заинтересована в том, чтобы один из ее могущественнейших „приводных ремней", по словам т. Сталина, работал непрерывно, без перебоев с своевременной починкой, смазкой, сменой, подбором всех частей механизма Р. К. С. М., которому суждено стать скелетом юношеского движения в России.

Наша идеология создается из сочетания политических задач борьбы и жизни рабочей молодежи, органически впитывая в себя тем самым задачи Партии и рабочего класса в целом. Она обусловлена более углубленной и специальной постановкой вопросов воспитания и образования рабочей молодежи, исходя из ее возрастных особенностей и особой роли в производстве. Интересы и задачи Партии и Комсомола—сохранить в этом единство движения, сохранить и достроить эту „комсомольскую призму", по меткому выражению одного товарища. Опасности возникновения в Комсомоле различных уклонов, ведущих организацию к перерождению, не менее чем в Партии. Также, как в Партии, они обусловливаются тем, что часть или группа работников вклиниваются в определенное общественное дело, теряют связь с организацией, заражаются идеологией того дела, к которому приставлены, об'ективно ведя организацию к разложению. Никакой гарантии и никакого предупреждения, на весь период Нэпа, когда организации приходится глубоко проникать в поры, чуждого ей аппарата, кроме повышения марксистской квалификации и создания более или менее стройной, практической идеологии —нет. Только при этих условиях Комсомол сохранит единство и жизненность, свою авангардную политическую роль

т. е. будет стоять впереди рабочей молодежи, а не над ней, будут представлять ее запросы и интересы, а не чуждые ей.

И только тогда Комсомол сумеет действительно на основании всего опыта и традиции организации отвечать на коренные образовательные запросы рабочей молодежи („чему учиться и как учиться?“) не как классный наставник—педагог, не как культур-трегер, а как самодеятельная, политическая организация молодежи, впитавшая в себя новые воспитательные методы и новые культурные задачи.

А. З.

ПЕРВЫЙ КАМЕНЬ.

Организованная в Коммунистический союз, молодежь может смело гордиться своей организацией. Молодая по времени своего возникновения, она являет собой богатейшее практическим опытом об'единение широких, пролетарских масс молодежи.

Комсомол является организацией, где принципы действительного участия самой молодежи и в деле укрепления своего Союза и в обще-пролетарской борьбе за укрепление достижений класса, с самого возникновения Союза и до сих пор осуществляются и полнее и глубже по существу, своего чем где и когда либо.

Поистине, здесь молодежь учится на самом действии и в самом действии передает свои знания. Она учится и учась творит. Вот где не вырабатывается начетчиков от коммунизма, способных сплошь и рядом только на болтовню.

Наш союз — есть исключительно продукт творчества самой молодежи и этим он резко отличается от интеллигентских, буржуазных организаций, искусственно создаваемых для молодежи. В этом его жизненность, его сила.

Так создавались союзы по всей России; и Москве с Питером в этом движении принадлежит почетная роль зачинателей будущей твердыни пролетарского юношества, гигантской мастерской, кузницы нашей партии—Р. К. С. М.

Возникновение Союза на Пресне можно отнести к середине или к концу мая 17 г.. К этому времени сложилась на Пресне впервые инициативная группа из 3-х товарищей: **Быстрова**, Анатолия **Попова** и пишущего эти строки. Эта группа фактически и положила начало организации Союза в нашем районе.

В Москве к указанному времени существовало уже довольно сплоченное ядро из молодых партийцев, именовавшее себя Союзом Молодежи при М. К.Р.С.-Д.Р.П.(б.) *). Представителем последняго у нас на Пресне был Сергей **Быстров**.

---

*) Большинство членов этои группы вышло из подпольных ученических организаций, существовавших при самодержавии.

Количественно весьма ограниченная, эта организация в большинстве состояла из партийцев учащихся и наиболее сознательных рабочих. Ее задачи сводились почти исключительно к культурно-политической работе над своими членами. Состоящая только из партийцев она и построена была по принципу нелегальных кружков, собирающихся время от времени или для читки Эрфуртской программы или чего другого в этом роде, или для обсуждения какого либо доклада и оказания технической помощи в работе Партии.

Специфическая для подпольных кружков замкнутость, ограниченность круга об'единяемой молодежи (только партийная)—вот в общих чертах физиономия «Союза молодежи при М.К. партии». Курс на овладение широкими пролетарскими массами молодежи пока был не знаком этой первичной организации.

Но так продолжалось недолго. Бешеный темп событий, менявшихся с неимоверной быстротой, характер задач, стоявших перед Партией, вся сущность ее работы, вся обстановка нашей бурной жизни—борьбы, требовала активного участия в ней организованного участия пролетарского юношества. Да и сама молодежь жадно тянулась к организации.

Перед Союзом Молодежи встала практическая задача расширить свои организационные формы и задачи своей работы, из ограниченного кружка, варящегося в собственном соку, превратиться в организацию, представляющую широкие массы и организующую их.

И этот шаг вперед, правда, не сразу был сделан Союзом Молодежи. Решено было приступить к работе в районах, организуя сначала только партийную молодежь. Отсюда и создалась наша инициативная группа на Пресне. Так или почти также началась эта строительная работа и в других районах. Этот момент в развитии нашего Союза можно считать решаюшим моментом в жизни нашей организации предопределившим ее дальнейший рост и пути развития.

Но вернемся на Пресню. Работу свою инициативная группа начала сразу с заводов и фабрик.

Не через Партию организовывать молодежь в Союз, а наоборот, через Союз вводить в Партию.

Организаторы Союза Молодежи

Анатолий Попов.

Один из первых организаторов и агитаторов молодежи Красной Пресни. Член райкома. В Октябре был в плену у юнкеров. Во время геройской работы в передовых частях Красной армии умер от тифа (17 октьбря 1919 г.)

Михаил Дугачев.

Один из инициаторов Союза на Красной Пресне, принимал активное участие в работе Союза еще долгое время после Октября.

на Красной Пресне в 17 году.

Аня Литвейко.

Первая девушка работница вступившая в Союз Молодежи на Пресне. Член райкома, одна из активнейших работниц Молодой Красной Пресни. Теперь работает в партийной организации.

Сергей Быстров.

Организатор Молодой Пресни в Октябре. Вел очень большую работу по организации Союза. Один из представителей нелегальных марксистских кружков учащихся, существовавших до революции 17 года. Принимал горячее участие в Октябрьских боях и в гражданской войне. Учится в Горной Академии.

ТЕКА

Этот уклон на работу в массах мы должны об'яснить не особой, конечно прозорливостью нашей группы, а просто тем, что группа наша перед этим вела уже массовую работу на фабриках от Партии и жила в значительной мере жизнью этой массы.

Итак, Союз на Пресне с самого начала не был узким по своему составу, ребята входили в него и сейчас же записывались в Партию. И через несколько недель к июньской травле **большевиков**. наш Союз насчитывал уже около—100 членов, а самое главное, был крепко связан с фабриками и заводами.

Так постепенно крепла наша организация. Июньская травля только больше сплотила ее и усилила количественно. С нею пала последняя преграда—недоверие к союзу среди некоторых частей наиболее отсталой молодежи. И даже Прохоровка,—оплот эсэровщины, из которой нас **большевиков**, не один раз гоняли,—даже от нее попользовалась новыми членами наша организация в эти тяжелые дни. Должно поблагодарить здесь и меньшевиков с эсэрами. Они тоже помогали нам. Своими соглашательскими проповедями и запугиваниями „большевисткой анархией", они бросали к нам молодежь, по существу своему пытливую, темпераментную, немирящуюся с компромиссом.

Но какие задачи ставила наша организация, что об'единяло в ней молодежь? Работа. Борьба за рабочий класс против клеветы соглашателей, стремящихся восстановить трудящихся против его же Партии—большевиков, организация и подготовка своих молодых сил к тому времени, когда партия поведет на бой с буржуазией рабочий люд. Работы было много, и работы интересной. Здесь было где развернуться молодежи, было широчайшее поле, где она могла развивать себя, копить опыт для будущих, уже недалеких боев.

Быстрым темпом проходила работа на Пресне. В других районах дело также кипело. Союз при М. К. Партии уже реорганизовался, превратился в орган, руководящий работой районов. Появилась нужда в уставе, который предусматривал бы единые организационные формы для всех союзов, стала ощущаться потребность в точной формулировке задач

нашей организации. Нужно было окончательно определить лицо своей организации. Словом нужны были: программа и устав союза.

Так в Замоскворечье навстречу партийному Союзу Молодежи, начинают появляться **коллективы беспартийной молодежи**, стихийно возникающие на фабриках и заводах. Замоскворецкая организация под напором этой волны беспартийной молодежи, тянувшейся к об'единению, становится перед необходимостью расширить свою организацию. Здесь впервые по предложению т. Тера, Союз из партийного превращается в оффициально-массовую организацию и получает название Союза Молодежи «3-й Интернационал». То, что мы отметили сейчас в отношении Замоскворечья, можно было наблюдать и в других районах. В районные организации начинают просачиваться и анархо-бунтарские элементы, появляются в Союзе и меньшевики-интернационалисты. Старые формы организации явно устарели. Нужно было менять организационные вехи в сторону их расширения и вместе с тем предотвратить Союз от засорения его чуждыми элементами. Необходимо было повернуть руль на беспартийную молодежь, сохранив Союз, как революционно-действенную организацию. Союз молодежи для партийной молодежи не мог и не должен был решить эту задачу.

Все эти причины политической обстановки привели наш Союз к июньской конференции, принявшей программу и устав союза. Последний стал называться именем 3-го Интернационала. Эта была уже беспартийная организация, но с самого начала определившая свое место и в обще-пролетарской борьбе, и отношение свое к происходящим событиям. — Борьба с буржуазией не только других стран, но и с своей в первую голову, без всяких компромиссов.— Об'единение рабочей молодежи не только своей страны, но и всего мира, вместе с Коммунистической Партией под ее руководством и не иначе. — К этому в общих чертах сводилась принятая конференцией программа союза молодежи «3-й Интернационал.»

Я говорил уже о появлении в Ссюзе чуждых нам элементов. Вообще они не были сильны в организации, но у нас на Пресне не было и этого. С самого начала здесь со-

здалось крепкое руководящее ядро из партийцев, вокруг которого и группировалась союзная масса. Союз наш сразу завоевал себе соответствующий авторитет и своими выступлениями в июньские дни, и во время выборов в районные думы, и в борьбе с соглашателями на предприятиях. Он окреп настолько, что самостоятельно, без помощи Партии, начал выступать против даже эсеровского союза молодежи, приютившегося в клубе „Земля и Воля", и, надо сказать, не без успешно. Нам удалось расколоть эту организацию, и вскоре она захирела и отдала богу душу.

Как отразилась июньская конференция на работе Пресненской организации? Она ее безусловно усилила и углубила. В работе Союза появилась уверенность, ибо работа его по существу подтверждалась запросами самой же молодежи.

К Октябрьским дням наша организация насчитывала выше двухсот человек. Она была сильна уже не только количественно, но и опытом и единством своим. Так, на общегородских конференциях и заседаниях М. К. союза, Пресня всегда выступала коноводом в постановке вопросов, связанных с текущим моментом. Воззвание призывающее к выступлению, принятое всеми районами накануне восстания и опубликованное в „Социал-Демократе"—органе нашей партии, было принято по инициативе Пресненской организации. В Октябрьское восстание наша организация сдавала экзамен на свою политическую зрелость. И сдала его отлично. В эти дни борьбы вся организация была поголовно на баррикадах. Наших ребят можно было видеть и в Московском Совете, и в Хамовническом районе, и в Дорогомилове. На Новинском бульваре первая кровь, пролитая в этой борьбе, принадлежала союзникам (**Любимов** и другие). Беззаветная храбрость будущих „комсомольцев" должна быть увековечена, имена погибших в этой борьбе должны быть известны всей молодежи. Организованная же в Коммунистический Союз молодежь должна стремиться быть достойной преемницей павших в Октябрьские и последующие дни борьбы пролетарского класса.

Первый камень Союза Молодежи, как массовой рабочей организации, был заложен и закреплен Октябрем.

М. Дугачев.

ВМЕСТЕ С ПАРТИЕЙ.

Союз молодежи в Октябре был небольшой количественно организацией, ставившей своей целью об'единение широких масс рабочей молодежи, воспитание ее в духе тех лозунгов и задач, которые были выдвинуты платформой III Интернационала, т.-е. в духе решительной и последовательной борь-

Тов. Беленький.—Один из старых партийцев, секретарь Красно-Пресненского Райкома Р.К.П. (б.) за все время своей работы—неизменно-любящий союз и помогающий ему.

бы с капиталистами всего мира и со своими отечественными в первую очередь. А практически—обще-политическая работа мыслилась, как непосредственная помощь Партии в деле организации рабочей массы и ее агитационно-пропагандистской деятельности, имеющая ценность не только как помощь, но как величайшее воспитывающее молодежь средство.

Партия была железным, сплоченным ядром, закаленным в неравной борьбе с царизмом,—ячейкой молодого, российского пролетариата. И в первые же дни после подполья, она должна была развернуть колоссальную работу, т. к. на долю ей выпала неизмеримо трудная задача вывести рабочий класс для борьбы за власть, с'организовать, сплотить, построить железные батальоны для штурма капиталистической твердыни.

Что отличало Союз от Партии? Внешне почти ничего. У обоих были одни и те же общеполитические задачи и цели. Смысл самой работы Партии в то время, диктуемый необходимостью немедленной организации рабочего класса для захвата власти, сливал эти организации в одно неразрывное целое, так, что нельза было сказать, иногда, что делает Союз и что Партия.

Партия ведет агитацию за свои списки кандидатов в районные Думы или компанию по перевыборам в Совете, Союз является один из передовых ее отрядов агитаторов проникающих в гущу рабочей молодежи, и не стесняющихся выступлениями на собраниях взрослых.

Травят большевиков, избивают их на собраниях, наша организация поголовно выходит на улицу расклеивая знаменитое воззвание т. Ярославского „Долой большевиков". И можно привести еще целый ряд фактов в работе и Общемосковской и Пресненской организаций, говорящих так же ярко и красноречиво о том же.

Тем не менее различия существовали и тогда.

Эта внешняя политическая деятельность Союза кончалось там, где начиналась внутренняя работа по подготовке необходимых кадров, бойцов из организованных членов его.

Взрослый рабочий при всей его медлительности, инертности, самыми условиями жизни готовый к этой борьбе, не требовал для себя такой глубокой проработки, как молодежь, недолго еще находившаяся на производстве. Его надо было только раскачать, стронуть с места. Молодежи не хватало этого опыта и выдержки взрослых рабочих,—Союз должен был восполнить этот пробел.

Необходимость в такой предварительной обработке была усвоена нашей организацией. Особенности работы среди молодежи установили за Союзом и известную самостоятель-

ность, при которой самодеятельность всей молодежи была естественно поставлена на первый план жизни нашей организации и явилась главнейшим моментом, об'ясняющим успешность работы нашего Союза, его быстрый рост и укрепление. Партия поняла эти особенности и оставила за молодежью широкие возможности к ее развитию.

Т. Землячка.—Будучи секретарем Рогожского райкома и М.К.Р.К.П, (б.) в 1917 году оказала неоценимую помощь в деле организации Союза, и практически и морально поощряя работу возникающей организации.

Организованная в Союзе молодежь сполна оправдала эти надежды Партии на фронтах вооруженной борьбы, и в работе своей по восстановлению разрушенного хозяйства. Она доказала всю правильность и жизненность этого особого подхода к молодежи.

Как и в чем-же выражалось влияние Партии на Союз?. Конечно, не обменом своими представителями и постановкой отчетных докладов на заседаниях райкома. Последнее только

организационно закрепляло это влияние. Центр—же его лежал в том действительно активном ядре союзников—партийцев, которые, не будучи „спецами" Союза, живо, практически участвовали в работе Партии, и естественно поэтому отражали существо и задачи ее во всей деятельности своей по Союзу. Да и сама Партия, в лице ее отдельных членов, тогда боровшаяся с соглашателями, больше интересовалась своим детищем.

Это руководящее ядро союзников - партийцев было и ближе, и понятнее беспартийной молодежи. Обстановка непосредственной борьбы и участия в ней, на глазах у всего Союза, „без всяких задних мыслей" этой руководящей группы, опасность этой борьбы сливала, уравнивала в конечном счете и активиста и рядового. Активисты—союзники были у нас и тогда, но не было активистов по должности. Союз выдвигал из своей среды не тех, кто в течение одной минуты может отбарабанить несколько десятков красивых звучных фраз и „крепко" раскритиковать деятельность райкома, а тех, кто действительно искренне предан нашему делу.

Союзная и партийная масса. Наша организация была еще очень молодой. Мы были „сосунками". Но об'единялась в Союзе, в те времена, действительно лучшая часть пролетарской молодежи. Горячая, буйная, мятущаяся,—к ней и насмешливо, и иронически относились взрослые партийцы, но ее всетаки любили. На нее с явной надежной и участием, а иногда и с гордостью взирали они. Казалось часто, что взрослые партийцы, как-бы завидуют этой бьющей из всех пор молодости. Партия правильно с самого начала поняла Союз, не только в своих резолюциях, но и в повседневной жизни через каждого члена ее в отдельности. „Сосунков" любили, хотя и гоняли часто. За то не было того холодного, тупого, казенного безразличия, непонимания молодежи, ее запросов, ее особенностей, которые к сожалению нередко сейчас наблюдаем мы, среди отдельных товарищей.

Партия совершенно верно оценила смысл и важность работы среди молодежи, но про многих из партийцев этого нельзя сказать.

Так ближе к Союзу—к молодежи, побольше чуткости, тер-

пеливости к ее „вольностям“, поменьше старческого брюзжания, на ее „непристойные выходки“ и мы поднимем Союз до небывалой высоты. Превратим его в действительную могучую кузницу Коммунистической Партии, которая даст ей достойную смену бойцов.

Мы работали и боролись вместе с Партией. Этой дорогой мы пойдем до конца. Взрослые партийцы, поймите молодежь, полюбите Союз, а мы комсомольцы ответим на это удесятеренным желанием одолеть все трудности и довести дело борьбы до конца. Молодежь хочет и будет достойной сменой выбывающим из строя.

М. Дугачев.

ОЧЕРК БОЕВ НА ПРЕСНЕ.

К оружию.

В ночь с 25 на 26 октября 17 года районный комитет РКП оставляет свое помещение по Предтеченскому переулку в д. № 4, принимает меры к сохранению секретных дел и архива и переходит на Трехгорную заставу в помещение фабрично-заводского комитета фабрики Трехгорной Мануфактуры, бывшей Прохорова. Связь с Московским центром (здание Московского Совета) определяет первый состав зарождающегося в эти часы Военно-Революционного комитета, и отдельные товарищи уже втянуты в технику предстоящей боевой работы.

Идет сбор живых сил рабочей Пресни и в помещении фабрично-заводского комитета все шумней и тесней собираются пролетарии, готовые в бой за рабочее дело, за идеалы Партии и Октября.

Фронтовики несут оружие. Происходит его пересортировка и перевооружение. Намечаются группы и отдельные вожаки с тем, чтобы через несколько часов стать боевыми отрядами и их начальниками.

От первых, пока еще, случайных стычек есть уже первые жертвы.

В б о й.

26/X оформляется штаб повстанческих сил Красной Пресни, не прекращающий своей работы до последних стычек на территории района и закрепления победы московских рабочих.

Белый стан.

Расположение частей противника (юнкеров) в этот день достигает:

а) Зоологического сада, по Конюшковской улице, по Горбатому мосту, по Проточному переулку, по Смоленскому переулку—Дорогомиловский мост; по Б. Грузинской—Сенная площадь — Владимиро - Долгоруковская улица — Триумфальная площадь.

б) Белые группируются для удара в двух направлениях: 1) на Брянский вокзал и 2) через Кудринскую площадь

У Штаба. Сбор.

по Б. Грузинской на Александровский вокзал. Правым своим флангом они поддерживают группу, действующую в направлении Триумфальной площади и на Московский Совет, от Никитских ворот и с Б. Садовой улицы.

в) Для основных операций белые выбирают Кудринскую площадь и стягивают к ней свои резервы и имеют сильный заслон против фабрик и заводов рабочей Пресни.

Резервами были: Александровское Военное училище, Смоленская школа прапорщиков, ударники и белогвардейцы учащиеся, последние по преимуществу на правом фланге.

Боевые задачи и план восстания.

В боевую задачу рабочей Пресни входило: 1) необходимость поддерживать защиту Московского Центрального Совета, 2) не допускать белых на Брянскую и Александровскую железную дорогу, лишая их тем самым пополнений ударниками и ударницами, с'езжавшихся в Москву на помощь силам полков Рябцева. 3) не допустить белых к изоляции рабочего резерва Красной Пресни от центра артиллерийского снабжения и сосредоточения артиллерии (Ходынка), что грозило-бы гибелью живым силам района.

На Поварской.

Штаб Красной гвардии Пресненского района выработал следующий план военных действий:

1) Захват Кудринской площади до Скарятинского переулка включительно, и настойчивое продвижение к Никитским воротам с заслоном против Арбатской площади.

2) Выбить белых с Сенной площади, направив удар с Тишинских и Трындинских переулков и Владимиро-Долгоруковской улицей распространиться по Кудринской-Садовой до Триумфальной площади на соединение со своими частями из центра.

3) Ночным набегом захватить Горбатый мост, действуя с Пресни по Конюшковской улице и от фабрики Прохорова по берегу реки Москвы. Распространяясь со стороны Кудринской площади до Смоленской площади, изолировать Смоленскую школу прапорщиков, и одновременно пере-

На Новинском бульваре.

бросить через реку Москву группу красногвардейцев для прикрытия Брянского вокзала и совместного наступления. На следующую ночь со Смоленской площади и Брянского вокзала—на Смоленскую школу.

4) Три мелких отряда (по 12—15 человек) назначить для уничтожения остающихся в засадах белогвардейцев в нашем расположении, чтобы последние не помешали основным операциям с тыла.

Такой план требовал сил и соответствующего вооружения. Последнее на Пресне составляло десятка полтора берданок, полсотни револьверов и десяток винтовок.

Первые красные победы.

Военно-Революционный Комитет направляется во все фабрики и заводы;—приток сил растет, группы рабочих вооружаются и за счет противника и с Александровской железной дороги от воинских частей, пополняясь солдатами фронтовиками и вооружая все, что могла выставить к этому времени рабочая Пресня.

Учитывая необходимость хорошей связи и руководством большим числом отдельных вооруженных отрядов, следовало перенести свой штаб в центр боевых действий.

Штаб с группой красногвардейцев пробирается на Кудринскую улицу и, захватив пожарную часть (двор и здание комиссариата милиции), располагается здесь, рядом с Вдовьим Домом.

Одновременно короткими ударами со стороны Тишинских и Трындиновского переулков захвачена Сенная площадь и поведено наступление в центр резервов противника на Кудринскую площадь. Последняя в жестоком ночном бою, дошедшем до рукопашной схватки, была взята, а переброшенной за реку Москву группой был захвачен Дорогомиловский мост. На утро (27/X—17) подошло подкрепление артиллерии и два пулемета. С их поддержкой Красная Гвардия Пресненского района распространяется по Садовой-Кудринской до Триумфальной площади, очистив совершенно от белых район—Кудринская—Сенная—Триумфальная площади и направляет разведку по М. Никитской, Гранатному переулку, Спиридоновской улице, М. Бронной и Козихинскому, дав ей задание очистить по пути следования дорогу от белых и, сосредоточившись в концах этих улиц и переулков, повести наступление на Никитские ворота, пользуясь поддержкой артиллерии, действовавшей со Страстной площади вдоль Тверского бульвара.

Наша попытка взять Смоленскую площадь дважды отбита за один день (27/X); в этом районе у белых сосредоточились большие силы с броневыми автомобилями.

Пришлось ограничиться захватом следующей линии: Дорогомиловский мост, по набережной реки Москвы—Проточный—Прогонный переулки — Горбатый мост—Девятинский переулок—Новинский бульвар—церковь, выходящая

на Трубниковский переулок — Скарятинский переулок, и прикрывать набегами по переулкам между Б. Никитской и Поварской наш левый фланг от удара со стороны Молчановки. По этой оборонительной линии возводились баррикады и рылись окопы.

В таком состоянии наш район застало перемирие (28/X), об'явленное из центра.

Перемирие.

Подбираем по дворам и чердакам раненых и убитых рабочих и юнкеров, размещаем в ближайшие больницы и госпитали.

Усталость и голод — ни фунта хлеба в распоряжении Военно-Революционного Комитета — начинают давать себя чувствовать. Много недовольных перемирием голосов. Женщины-работницы несут санитарную службу и, становясь в ряды бойцов, бодрят своих мужей, братьев и сыновей. Дети рабочих приносят из дому у кого что есть, кто корку хлеба, кто кусок сахару, кто кипяток, и все несут на позиции.

В штабе напряженная работа — разборка поступающего оружия, сортировка патрон и обучение рабочих действовать гранатой. Захвачен случайный транспорт баранок, поступило крупное количество картошки, появились масло, хлеб и мед — организуется продснабжение красных отрядов... Всеми дружно чувствуется, что это еще не конец, еще бои впереди...

Меньшевистская сволочь вертится среди рабочих, пытаясь разлагать и гасить их настроение, но, видно, терпит неудачу, и тогда клянчит у Военно-Революционного Комитета себе револьверик для „самозащиты“... На предложение стать в наши ряды с оружием в руках подло улыбается и повторяет предательское постановление своего УК—„ни за рабочих, ни против рабочих“—понимай, за белогвардейцев!

Военно-Революционный Комитет допрашивает белых пленных. Здесь и старый кадровый офицер с трясущимися руками, молил о пощаде, защищаясь своей политической

невоспитанностью, „не туда обратил оружие", „не успел разобраться"... — „На гауптвахту!" — отвечает Военно-Революционный Комитет.

Здесь и юнкер, и студент, и брюхатый спекулянт подличают о своем неведении.

Юнкер шел бороться потому, что „принуждали товарищи по школе", студент „шел проведать своих родителей", или был „у товарища на пирушке", а в кармане бомба; пузатый шепчет „господи помилуй" и не знает, как попал „в эту кашу",—а в носках план расположения красногвардейских застав, пулеметов, артиллерии и санитарных пунктов. А вот белая сестра, провозившая патроны в санитарных автомобилях для сынков белой кости...

Разоружаем, обыскиваем всю эту шваль, выгоняем во внефронтовое расположение, в свой тыл, наиболее заядлых—на гауптвахту.

Красные сестры и братья вносят в штаб несколько юных рабочих на носилках, переломаны руки и ноги, разбиты черепа... Это группа юных красных разведчиков, выброшенных белыми с 3-го этажа на мостовую из военного госпиталя на Никитской. Медик-студент, белогвардеец, которого мы заставили работать по уходу за ранеными в полевом госпитале при нашем штабе, виновато жмется в угол перевязочной.

Приходит сообщение от Московского Совета — «переговоры идут, оставайтесь на местах, не стрелять, не предпринимать дальнейших военных операций, ждать результатов переговоров»...

Белые наступают.

На другой день (29/X), не получив известий об окончании перемирия от Московского Совета, пришлось убедиться в окончании такового переходом белых в наступление по всему фронту. Белые открыли военные действия с целью сорвать перемирие, так как, успев оправиться от первых ударов и перегруппировавшись, были уверены, что разобьют красных.

В ожесточенных боях, с превышающими силами противника, снабженными массой пулеметов, двумя броневи-

ками и свежими силами молодых возрастов буржуазии, растерявшейся в первые моменты сражения, Пресненский район был сбит по всему фронту.

В свою очередь, белые, теснимые развертывающимися силами центра и Замоскворецкого района, тем энергичней искали выхода через Пресненский район на Александровскую и Брянскую железные дороги; а по Брянской железной дороге продолжали подходить ударники, которых мы разоружали.

В этом наступлении белых Красная Пресня несла большие потери от пулеметного огня и в результате суточного боя вынуждена была сдать противнику Горбатый мост, Кудринский переулок, Кудринскую площадь, Б. Конюшковский переулок и Конюшковскую улицу. Направление белых в этом участке определилось по Н.-Прудовой на Пресню.

На левом фланге нас выбили с Садовой-Кудринской улицы, Владимиро-Долгоруковской улицы и Сенной площади; здесь белогвардейцы начинают распространяться с Владимиро-Долгоруковской улицы по Кабанихинскому переулку, имея целью соединиться со своими частями и захватить Военно-Революционный Комитет со штабом в его распоряжении. Другая группа противника в это же время распространяется от Сенной площади по Б.-Грузинской улице, Тишинскому и Курбатовскому переулкам, имея целью выход на район фабрик и заводов и далее в район Ваганьковского кладбища с Окружной железной дорогой для перехвата магистралей Брянской и Александровской железных дорог.

Положение становилось критическим, близилась развязка.

В наших руках оставались: Вдовий Дом с углом Кудринских площади и улицы, где мы цепко засели, короткая Кудринская улица, Пожарный двор и здание милицейского комитета, где помещались Военно-Революционный Комитет и Штаб с полевым госпиталем, Зоологический сад и Б. Пресня—улица с выходом в рабочий район!

Все это было под сильным ружейным и пулеметным обстрелом противника при нашей парализованной батарее от огня белых с крыш, из окон, подвалов и со всех переулков.

Не на жизнь, а на смерть!

К 1 часу ночи бой затих. Трехминутное совещание Военно-Революционного Комитета:—оставаться на месте, а с рассветом перейти в наступление.

Всю ночь устанавливаем связь, перегруппировываем силы, сводим отряды, подтягиваем боевое снабжение.

Утром (30/X) первым наступает Тильмановский завод и к 11 часам восстанавливает старое положение, захватывая, Кудринскую и Сенную площади. Заводы «Пулемет», «Свет», «Лампа», «Прохоровка» действуют на правом фланге.

С берега реки Москвы из двух орудий выбиваем Смоленскую школу прапорщиков, которая, отходя, укрепляется в районе Смоленской площади.

Группа бойцов с завода Тильманса, нажимая на отходящего с Кудринской противника, с беззаветной храбростью наступает по Поварской; отдельные отряды рабочих выбивают белых из прилегающих переулков со стороны Арбатской улицы, по Молчановкам, и левый из этих отрядов доходит до Страстной площади.

Совместно с частями, наступающими вдоль Тверского бульвара, бойцы рабочей Пресни по М. Бронной, Спиридоновке и М. Никитской выбивают, наконец, противника и от Никитских ворот. Горячее здесь было дело! Крепко держались белые за Никитские ворота, за этот плацдарм защиты их былой твердыни — Александровского Военного Училища!!!

В то-же время развивается наступление наших на Сенную площадь; в самый разгар боя лопнуло орудие, прикрывавшее это наступление с Кудринской площади; огонь противника усиливается и берет перевес; белогвардейцы лавиной обрушиваются вдоль Новинского бульвара к Кудринской площади, с ними две броне-машины.

У ворот на Кудринскую, по обе стороны 8-миэтажного дома быв. Страхового Общества «Россия» — баррикады; с левой стороны на баррикадах юнкера и их броневик прорывается на площадь...

Не растерялась рабочая Пресня. С Б. Никитской на руках возвращается к нам одно орудие; красногвардейцы и все последние резервы Красной Пресни из двора Вдовьего Дома бросаются в рукопашную...

Десяток гранат заставляет броневик отступать, короткая рукопашная схватка и юнкера бегут к Смоленской площади. Шрапнелью, пулеметом и градом ружейных выстрелов провожают рабочие юнкеров с Кудрина.

С Поварской по Трубниковскому через Дурновский и М. Толстовский переулки Красная гвардия перехватывает отступающих белых, на Прогонном и Проточном переулках сбивает их заставы, а с Дорогомиловского моста и Смоленского переулка берет атакой Смоленскую школу прапорщиков.

Смоленская площадь в наших руках, с подоспевшими бойцами Дорогомиловского района наступаем по Арбату на Александровское Военное Училище.

Революция победила.

6-ой день борьбы (31/X). Все твердыни керенщины, все опоры буржуазной реакции пали! Рабочая Москва торжествует. Разбегающаяся эсэровщина в союзе с остатками белогвардейских сил Москвы еще забилась кое-где в углы и подстреливает оттуда ненавистных победителей, еще мстит герою рабочему.

Скулят меньшевики и льют крокодиловы слезы по Учредилке...

А все честное, преданное делу пролетарской революции во главе с Коммунистической Партией уже берется за новый тяжелый труд, уже строит новую светлую социалистическую Россию.

Много рабочей крови пролилось в октябрьские дни; завет наших братьев, павших при штурме белогвардейских и капиталистических твердынь, мы выполним.

И в этот октябрь мы готовы к бою, как и в октябре 17 года.

А впереди еще новые бои и новые победы!..

Молодая Пресня в 17 году.

Группа организаторов Молодой Пресни: Литвейко, Дугачев, Быстров, Попов и др.

НА БАРРИКАДАХ.

(ВОСПОМИНАНИЯ).

НА ПРЕСНЕ В ОКТЯБРЕ.

Кто из „до-октябрьских" партийцев и союзников не знает маленького деревянного домика, по Большому Предтеченскому переулку — „обиталище" Пресненских большевиков и будущих комсомольцев.

Иван Слесарев-Кульман, Самуил, Надя Штерн, Анатолий Устинов, Нюша Литвейко, Быстров, Сережка Яковлев... и многие другие—ядро будущей организации Комсомола. Первые два не являлись союзниками, это скорее „духовные отцы", учившие уму-разуму нас—„сосунков". Бесконечно близки и дороги эти лица. Много светлого, незабвенного связано с ними. И хотя сейчас почти никого из названных не увидишь на Пресне, но вспомянуть о них, восстановить в памяти и зафиксировать отдельные картины нашей жизни—буйного, непрерывного кипения—дело не лишнее... дело полезное.

Союз рабочей молодежи «III Интернационал».

Я уже не помню, кто был инициатором создания Союза на Пресне... Помню, что в один прекрасный день создалась инициативная группа из партийцев. В нее вошли: Анатолий, Быстров и пишущий эти строки. На одном из собраний решено было пойти на заводы, за молодежью. Нужно отметить, в отличие от других районов, где существовали строго-партийные союзы, наша организация с самого начала поставила ставку на беспартийных, правда, уже известных всем нам ребят. Работа закипела дружно, ибо уже тогда и Анатолий и я считались, до некоторой степени, „агитаторами от партии", могущими самостоятельно выступать среди рабочих. И рабочие нас знали. В результате агитации, удалось сразу завербовать: Нюшу Литвейко, Таню Рыбакову—работниц фабрики „Свет", Устинова—с завода „Тильманс", Сергея Яковлева, тогда работавшего в

столярной мастерской, и других. Ядро организации, таким образом, наметилось. Разумеется, вся эта „братва" сейчас же вступила в Партию. Вообще считалось вполне естественным и как-то само собою разумеющимся, вступив в Союз, сделаться и членом Партии. Ячеек партийных тогда почти не было, и наши ячейки поэтому явились основой для партийных.

Выборы в районные думы.

В Москве ведется агитационная кампания за выборы в районные думы. На Пресне все кипит... Мобилизованы все, могущие выступать, партийцы и союзники. И Союз (Союз рабочей молодежи «III Интернационал») здесь на первом месте. Теперь это уже крупная организация,—больше партийной, имеющая свои ядра на всех больших предприятиях, за исключением Прохоровской Мануфактуры,—неприступной крепости „Серых", т.-е. эс-эров.

Решили пойти на собрание в клуб эс-эров «Земля и Воля», а, кстати, попутно ознакомиться и с засевшим там эс-эровским союзом молодежи. Пошли, конечно, со своей аудиторией, с ребятами, которые должны своим активным согласием с нашими выступлениями посеять «смуту» среди беспартийных рабочих и тем самым создать необходимую для нас атмосферу. Буйное было собрание... «Серые» поняли наши замыслы и немного нас потрепали. Говорили и с «тамошними союзниками». Оказывается, в организации у них, главным образом, учащиеся, но есть и рабочие. В углах устроили импровизированные митинги, ругались во всю, чуть не до драки, но с «божьей помощью», взрослых эс-эров, нас все же вытурили. Решили во чтобы ни стало «распатронить», т.-е. расколоть эту организацию. На заводах мы были «вне конкурренции», эс-эры и меньшевики пока не представляли, какой опасной для них силой в результате явимся мы, и поэтому «травили» нас не особенно сильно.

Вскоре прислан был на Пресню, на партийную работу, и Гриша Беленький. Он работал до сих пор в партийной Окружке, но после того, как его чуть не убили во время одного из прогонов, весь избитый, он «поселился» у нас. Работа и в Союзе, и в Партии с приездом его расширилась и углубилась. Гриша Беленький, хороший агитатор, пропа-

гандист, «все знающий, все ведущий», живой, приветливый, «взрослый ребенок», пришелся нам ко двору. Его все полюбили.

Райком работает.

Заседание райкома. Все те-же: Анатолий, Нюша Литвейко, Сергей Яковлев, Быстров, Устинов, Дугачев. Бессменные райкомщики, но уже выбранные общим собранием Союза, и представители предприятий. Яковлев—секретарь Союза,—постоянный платный работник. Груда вопросов—культурно-просветительная работа Союза.

Дело в том, что в Союзе появились нежелательные явления:—флирт, почта амура, появилась и легкомысленная публика. Идеологом ее, конечно, Меркулов—веселый парень, но не в меру. (Меркулов после Октябрьской революции уехал добровольцем на фронт и там был убит). Рассказывают, что и на фронте не изменился он. Вечно веселый, жизнерадостный, идя в наступление, в передовой цепи, с песнями и прибаутками, он был ранен в живот и умер, как герой, с последними словами: «да здравствует революция».

Решено было беспощадно бороться с этим устройством своими силами литературно-музыкальных вечеров, бесед, чтений и т. д.

Нужно связаться с МК: выбрали меня и Анатолия. Послать представителя в Райком Р. С.-Д. Р. П. (б.) для защиты интересов Союза. Подходящим для этой цели, как наиболее «буйный», оказался опять Дугачев. Заседание затянулось. Разошлись с песнями и с сознанием «доблестно» выполненного революционного долга.

Внеочередное заседание Райкома. Всего два, но очень важных вопроса. Растрата союзных денег и «недостойное» для члена Союза поведение работницы со «Света» (фамилии не помню). Заседание, конечно, закрытое и секретное. Яковлев растратил союзные деньги (около 15 рублей). Парень, безусловно, честный, но от голодовки он пошел на это «величайшее из преступлений». Дело в том, мы сняли его с работы в мастерской, а денег, конечно, не платили, и он голодал. Все мы растерялись от такой неожиданности. Анатолий произносит громовую речь, требуя

исключения Сергея из Союза. Литвейко, Устинов и я против, доказываем жестокость такого решения, говорим о том, что парень может свихнуться и погибнуть, если мы исключим его. Решено было помочь Сережке расплатиться и оставить в тайне это «преступление».

Другой вопрос еще более «щекотливый». Здесь уже не только флирт и почта—это ягодки, — нужно охранить Союз и членов его от разврата. Что делать здесь? Вот задача. Мы все подавлены. Анатолий страстно требует исключения этой девушки, грозя нам «адом кромешным» в случае несогласия с ним. Так же страстно выступал сначала я, а потом и другие. Убеждая не делать этого, советуем лучше взять под свою «духовную опеку» эту заблудившуюся овцу. Ни та, ни другая сторона не жалеет красок, защищая свое положение. Но наше предложение проходит, к тайному удовольствию и самого Анатолия, и мне поручают взяться за эту девушку, наставить ее «на путь истины». Расходимся без песен, но удовлетворенные.

Вечер в Союзе.

Решено устроить литературно-музыкальный вечер. О подготовке, конечно, нет и речи. Незачем. Силы есть, а остальное приложится. Мигом из стульев делаем «сцену», из знамен занавес, лампочку обертываем красной бумагой—и готово дело. В соседней комнате в спешном порядке «репетируем», составляем программу и, конечно, с вступительным словом Дугачева. В «зрительном зале» уже собралось человек 60 публики. Здесь и партийцы-рабочие, но преобладает, конечно, молодежь. Меркулов и Киселев-пекарь, снабжавший нас бесплатными калачами, выступают с частушками, Сергей Яковлев с декламацией, девчата пляшут. Порядка, правда, мало, но за то весело. Меркулова и Киселева шумно вызывают аплодисментами, а Дугачева за его «скучного» бурлака проваливают. Ребята довольны, просят почаще устраивать такие вечера.

Демонстрация Союза.

Канун Октября. МК решил устроить демонстрацию против войны и временного правительства. Чувствуется приближение грозы. После «июльской репетиции» Союз не только не ослабел от травли большевиков, но еще более

окреп, как политическая единица, еще более ярко выдвинулся. Не было после, за исключением разве «Октябрьского воскресенья», такого момента, когда Союз и Партия были так крепко, неразрывно спаяны. «Большевиков травят, так травите и нас», слышалось в каждом выступлении молодежи, чувствовалось во всем, что бы ни делали мы. И уж сейчас, когда все описываемое находится на расстоянии пятилетней тяжелой неустанной борьбы, полной величайшими, неповторимыми событиями, снова также ярко, живо переживаешь эти великие дни—кануна торжества пролетарской революции. Быстро созвали Райком, распределили работу и приступили к подготовке демонстрации. Заготовили лозунги, мобилизовали девчат шить знамена, а умеющих малевать—писать лозунги. Основные лозунги, конечно: «долой министров-капиталистов», «мир хижинам, война дворцам» и «вся власть Советам». Утром 15 октября, а хороший был день, солнечный, собралось человек двести молодежи, построившись пошли с песнями в центр. Демонстрация вышла удачная. Это ведь было первое революционное, организованное пролетарское выступление. Молодежи собралось до 12 тысяч. На Скобелевской площади устроили митинг. От МК большевиков приветствовал Лихачев. Меньшевики из Совета отказались приветствовать и, потому, «безобидное» приветствие должен был сказать Смидович. Выступали, конечно, и союзники. Демонстрация прошла без эксцессов, хотя мы к ним были готовы. Только уже, когда мы расходились по районам, «золотая молодежь» с Тверской и другое буржуазное хулиганье провожало нас свистками и улюлюкиваниями. Не смущаясь этим, мы весело, задорно бросили им: «Эй вы, свистуны, свистите, ничего,—свистнем и мы—когда придет время». И вскоре мы, действительно, свистнули.

Пресня в М. К.

За несколько дней до переворота на Сухаревке, в трактире Романова, собирается М. К. В порядке дня—текущий момент. Собрались в маленькой комнате на верху. Явились представители всех районов. Здесь и Лазарь и Рузя, весьма буйная девушка (не дай бог попасться на зубок ей: затопочет, закричит, разнесет в пух и прах). Здесь и Ася, ве-

селая, зажигающая всех своим энтузиазмом. Пресня подтянулась. Первый раз на заседание вместе явились: я, Анатолий, и Быстров. Внизу до заседания, состряпали резолюцию переработанную после в воззвание, помещенное в „Социал-Демократе". Разногласий, оказывается, не имеется. Все стоят за вооруженное выступление. Речь идет о форме резолюции. Мы победили и здесь. Воззвание было принято. Как сейчас помнится, маленькая, до чертиков накуренная комнатка, раскрасневшиеся, возбужденные лица и с недоумением и любопытством выглядывающие в полуоткрытую дверь бородатые лица партийцев. Пресня победила—и мы, радостные, разгоряченные, расходимся по домам.

Штаб Красной Пресни.

Канун борьбы.

Наконец, октябрьский переворот. В Предтеченском собрались не только активисты, но и рядовые союзники. Партийцев мало: Беленький, Кульман и Жаров, и еще семь или восемь партийцев.

Арсенал наш состоит из пяти берданок и пяти штук патронов. Дежурим всю ночь все. Завтра поедем за оружием.

Напряжение страшное, но колебаний нет, нет и дезертиров. Наступила развязка, все мы это чувствуем и поэтому ни слова об этом. Штаб решили перенести на завод «Тильманс».

В плену у юнкеров.

Прошло два дня, я и Анатолий засели в Кремле. Мы полжны вывести на Пресню оружие. А после взятия его, допали в плен к юнкерам.

Несколько десятков солдат 56 полка юнкера расстреляли. Мы случайно избежали расстрела и были выпущены, изрядно, правда, избитые.

Кровь пролита. На Пресню! Скорей за работу, быть вместе со «своими» до конца! Умереть, но отомстить!

Начало борьбы.

Тра-та-та-та-та-та!.. Пум!.. Пум!.. ж-жик!.. ж-жик!..

Трещат пулеметы. Мерно отбивают свое-трехдюймовки. Шаловливо-весело свистят одиночные ружейные и револьверные выстрелы. Жутко, но весело. Идем на „позиции", на Новинский бульвар, оттуда напирает на Пресню броневик, а за ним юнкера Алексеевской школы. Идем медленно, но уверенно. Вдруг Лапидус начал плясать, скачет на одной ноге, то нагибается, то вновь встает. В чем дело? По лицу не видно, чтобы ранен был. Нет, это пуля рикашетом ударилась в подметку и немного обожгла пятку. „Ловко, уже окрестился?" Слышатся возгласы и смех. На Новинском бульваре было горячее дело. Много раненых, есть и убитые, но наступление отбили. Броневик уехал ни с чем. В деле участвовали главным образом союзники. Дрались, как львы, несмотря на неопытность в этом деле.

В штабе на отдыхе.

В штабе, его после перевели, сначала на Прохоровку, а потом в помещение бывшего участка по Садовой улице, действует наш санитарный отряд, составленный, главным образом, из союзных девчат. Здесь—и Нюша, и Таня, в платочках, грязные, бледные от усталости, бедные,—они не

спали несколько ночей подряд. Но веселые „Братва“ расселась на полу,—кто спит, обнявшись с винтовкой, кто жадно «убирает» консервы, задорно кроя «матом», как большие но не злобно, а так, «для убедительности».

Союз против мира с немцами.

Мы победили. Были жертвы, но что это все в сравнении с победой, одержанной нами. Союз и Партия уже работают. Газеты полны немцами. Как будет, и что должны делать мы? Армия распалась, новой не создано. Мир заключать, как побежденным? Склониться перед победителями? Нет. Умереть, но не итти на этот позор. Московская партийная конференция приняла «шумную» резолюцию: — мира не подписывать, ибо это будет измена революции.—В такой обстановке собралась и наша общегородская конференция. Настроение, конечно, военное. И Пресня здесь, разумеется, на первом месте. Правда, Анатолий единственный за «Ленина». Московский Комитет Партии испугался нашего буйного настроения, и Землячка прислала своего парламентария с заданием немного обуздать наш пыл. Конференция прошла единодушно; все, за исключением Анатолия, приняли резолюцию Пресни, где в деликатной форме мы протестовали против мира. От опубликования резолюции решено было отказаться. Она так и не появилась в печати.

Ну, пора кончать. Надо было бы поговорить еще об активистах, об отдельных работниках Союза, сейчас разбросанных по всем уголкам Советской России, и многих умерших, далеких, но близких, товарищах по общему делу. Но об этом особо, в другой раз.

М. Дрячев.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ.

(Воспоминания об Октябре).

Утро. Тороплюсь на фабрику. Поражает перемена улиц; нет обычного движения трамваев, реже видны прохожие, ворота некоторых домов заперты... Грудь ширится и рвется от напряженности нервов, хочется что-то сделать, чтоб скорее прорвать гнетущую тишину... Прибавляю шагу и скоро вхожу в завком фабрики. Встречают работницы, из них несколько членов завкома; чувствуется некоторая растерянность, показывают воззвания, которые принесены на фабрику утром, от временного правительства и от революционного комитета. Сейчас же устраиваем небольшое заседание завкома, постановляем: воззвание ревкома вывесить, временного правительства—сжечь, устроить дежурство из членов завкома, а всех работниц распустить. Расходятся, сосредоточенно разговаривая вполголоса; нет обычного бабьего гвалта, чувствуют важность совершающегося.

Мы с Таней бежим в Предтеченский, в наш райком—клуб, а теперь боевой штаб. Тут жизнь кипит во-всю: пришли первыми «Тильмановцы» во главе с Шеногиным, ведется запись имеющих оружие; таких счастливчиков оказывается немного; не унывают—пройдем в Моссовет, а там достанем... Ушли... На смену сейчас же собираются другие, все молодые ребята — члены Союза молодежи, дезертиров нет, все горят нетерпеньем доказать, что „сосунки" народ тоже серьезный, и за революцию постоят. Скоро и они ушли все в Моссовет; в райкоме осталось с десяток человек. Сперва изредка, а потом все чаще и чаще, слышались выстрелы, легкомысленно татакали пулеметы, иногда солидно и веско произносила свое слово трехдюймовка. Оставаться в бездействии было невозможно, лихорадочно начали перетаскивать литературу, списки и бумаги в надежное место; райком постановил перенести штаб на „Тильманса".

Начали организовывать санитарную помощь; в женских руках недостатка не было, девушки—члены союза молодежи,

с радостью шли на эту работу; немедленно произведена реквизиция необходимых медикаментов для первой помощи, пошиты мешки с красными крестами, и отряд готов. Заминка лишь в том, что раньше никто не работал по перевязкам и не знают, как это делать, да и здесь скоро нашлись. Поймали Сайкину; она—медичка и сестра—об'яснила главные перевязки, а там, говорит, само дело подскажет, как нужно делать.

В районе пока делать нечего; на месте не сидится, тянет горячка боя; недолго думая, решили пробраться к Моссовету; идем по Никитской, на улицах толпятся любопытные обыватели; горячо ведутся разговоры на тему, сколько убитых, раненых; как всегда, из мухи делают слона, и самим становится страшно от своих слов, боязливо жмутся к воротам; одни мальчишки, как воробьи весной, скачут по мостовой, перекликаясь звонко, не трусят. С середины Чернышевского переулка поражает незнакомый звук, свистящий, точно камешек, выпущенный из рогатки, просвистел над ухом: „Берегись, жмись к стенке! жизнь не дорога, что-ль?" раздается сердитый голос красногвардейца; от неожиданности шарахаемся к стене.

Московский Совет превратился в боевой лагерь: во всех залах, на ступеньках лестниц сидят, лежат и спят красногвардейцы, перемешавшись с солдатами; почти одновременно с нами прорвался броневик юнкеров и по Тверской катит к Совету; раздался чей-то крик: „выходи"—и все бросились на улицу; начался обстрел броневика; стреляли упорно и яростно и скоро обратили его в бегство, он успел всего дать один выстрел из трехдюймовки, от которого только кое-где посыпались стекла. Внесли двоих раненых красногвардейцев, в суматохе попавших под выстрелы своих же; пришлось на них проявить свое искусство—перевязывать.

Поздно вечером окольным путем мы выбрались на Пресню; Пресня, против центра, в эту ночь казалась мертвым городом;—пустые улицы, запертые ворота и мрачно притаившиеся громады домов с темными окнами. За ночь мы подготовили все, что могли, для походного лазарета, а утром все ожило и зашевелилось; точно муравьи из потревоженного муравейника, откуда-то вылезали рабочие с винтовками и шли к штабу, перенесенному на „Прохоровку". По

всей Красной Пресне от заставы до Зоологического сада тянулась цепь красногвардейцев, состоящая исключительно из членов Союза Молодежи; тут и Сергей Яковлев, гордый своим участием в борьбе, и Шура Соколов, совсем на вид еще ребенок, едва достигший 17 лет, дальше виднеется энергичное лицо Устинова, а там Блохин, Трушинский и много других; все они принесли отдать свои силы за дело революции; многие из них погибли позднее на фронтах, оставшись верными идее рабочего класса. Вскоре с „Ходынки" подвезли орудия, появились солдаты-фронтовики, искушенные в военном деле, и началась боевая работа.

Бой начался с Кудринской площади, юнкеров скоро оттеснили на Поварскую и тут дрались долго и упорно, отстаивая каждый особняк.

Вскоре завязался бой на Никитской улице и по Новинскому бульвару. Отчетливо помнится только начало боя, а дальше все перемешалось в сплошной клубок выстрелов, криков, стонов раненых и крови. Санитарный отряд, состоящий почти исключительно из молодых работниц, из сил выбивался, стараясь подбирать раненых; санитарки, часто, тут же в разгаре боя, перевязывали легкие раны, а тяжело раненых тащили в ближний госпиталь, где дежурили свои же работницы, не доверяя добросовестности кадровых сестер.

У Никитских ворот группа красногвардейцев, во главе с Шеногиным, строила баррикады, на обломках большого дома, разрушенного снарядами; ребятишки улицы усиленно помогали им, таская разные вещи, и весело смеялись на залпы юнкеров.

Вспоминаются бледные, усталые от бессонных ночей лица, но нет в них ни страха, ни сомненья; каждый чувствует, что настал час борьбы, еще только одно усилие, еще только несколько жертв, и победа будет за нами.

Неделю, только одну неделю, сражались, и рухнул, веками созданный, строй; рабы восстали, не хотят больше покоряться... Приспешники капитала, злобно шипя, притаились, выжидая „лучших дней", но не боится их пролетариат, он твердо знает, что в этой борьбе терять ему нечего, приобретет он весь мир.

А. Литвейко.

В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ.

(Записки красногвардейца.)

I.

„Тестов поселок", дача „Студенец".

Общее собрание рабочих-булочников Пресненского района.

Равнодушными становятся лица собравшихся к обсуждаемым вопрросам. Не для того сюда пришли, ждут самого главного,—доклада районного совета.

Докладчик, председатель совета тов. Слесарев, еще не пришел. То там, то сям слышится сдержанный ропот.

— Скоро, что ли?

— Сейчас, товарищи, сейчас, одну минуту, докладчик опоздал—мечется как угорелый председатель собрания.

— Товарищ Киселев,—обращается он ко мне—позвоните по телефону, чтобы...

— Сейчас.

Бегу в соседнюю комнату, к телефону.

— Вы слушаете? Это что райком, да?

— Да, да, а вам что?

— Мне Беленького.

— Я у телефона, что надо?

— Что же не идет к нам докладчик на собрание? К нам обещался притти тов. Слесарев, уже больше полчаса дожидаемся.

— И еще, тов. Киселев, подождете. Сейчас Слесарев занят... Он работает... Да! вы сообщите собранию, что в Питере...

— Взяли власть советы,—не дал договорить ему я и, бросив трубку, бросился в залу общего собрания.

— Товарищи!—кричал я собранию, — Власть наша, в Питере...—но договорить мне не удалось, все повскакали со своих мест. Меня окружили, и посыпались вопросы: „Как? Что? Когда?“ В пятидесятый раз рассказываю им свой разговор с тов. Беленьким.

Но булочники не удовлетворены, слишком мало я узнал.

Вывернулся откуда-то эсэрик, с фабрики Прохорова.

— Товарищи,—надрывался он,—ничего подобного, у меня имеются достоверные сведения, большевики хотели...

— Да, большевики хотели, большевики и сделали,— осадил его максималист Зуев.

А зал собрания пустел и пустел, это рабочие, не удовлетворившись моей информацией, уходили узнать поподробней, и „готовиться“.

Бегу в Райком, по дороге обгоняю отряд Красной Гвардии Сахарного Завода.

Идут по солдатски в ногу, человек пятьдесят, и на всех одна винтовка.

По нижней Пресне маршируют прохоровцы, направляясь к Райкому, отряд тоже порядочный, но винтовок не видно.

Сердце начинает щемить: — Что же с голыми руками что ли, выходить на улицу? Моя пылкая фантазия уже строила баррикады, рыла окопы, бегала по улицам разведчиком и т. д.

Подбегаю к воротам Райкома.

— Стой, пропуск.

— Какой пропуск? Я ничего, никакого пропуска не знаю.

Часовым оказался свой же из Союза Молодежи, Блохин, который и пропустил меня.

В Райкоме в углу ходынцы разглядывают карту Москвы.

Товарищ Беленький носится по Райкому, розыскивая кого-то. Подбегаю к нему, надо расспросить получше, но он, махая рукой, показывает на другую комнату.

Делать нечего, вижу, ему не до того, иду в комнату, где, сгрудившись около стола, стоят в очереди наши „союзники“.

Это запись в Красную Гвардию. Вернее, не запись, а регистрация, потому что мы, задолго до Октября, считали

себе красногвардейцами. Нетерпеливой горячей молодежи все кажется медленным.

— Скоро ли там?... Что вы ковыряетесь-то?!

— Успеете, подождете.

— Да очень долго.

— Товарищи! Юнкера обстреляли двинцев на Красной площади,—вылетел пробкой из комнатушки секретариата тов. Беленький.

— Значит, началось?

— Да, началось.

— Мы свой отряд организуем, кипятилась записавшаяся молодежь.

— Организуйте, организуйте, вот понюхаете пороха, небось, как зайцы разбежитесь — шутили ходынцы, подзадоривая молодежь.

— О! Мы-то разбежимся, смотри-ка!

II.

Райком и рев-тройка перебрались на завод Тильманс. А бывшее помещение Райкома в маленьком особняке в Б. Предтеченском переулке превратилось в казармы, сюда приходили отряды Красной Гвардии, здесь неутомимый Златоверов распределял их.

Днем «казармы» были полны, а к вечеру никого.

Сегодняшнюю ночь я нахожусь в „казарме".

Нас трое или четверо. Сергей Яковлев, я и два неизвестных мне подростка, один из них, как я после узнал, был Воробьев.

Тихо прислушиваемся к шорохам на улицах, пожалуй, и еще белые нападут, вдруг звонок, все бежим к телефону.

Кто-то сообщает, что на Пресне громят продовольственную лавку.—Что делать, надо бежать на место погрома, а у нас, на всех, одна берданка, да три патрона.

Оказалось,—провокация.

III.

Настал день, опять стали приходить отряды, без оружия. В этот день Златоверов стал посылать в Центр за оружием, пошли и мы, по дороге попадались юнкера, „вооруженные до зубов".

Пришли в Центр, на дворе Московского Совета толкучка около грузовика с оружием „разных систем, колибров, времен и народов".

Выбрали себе по берданке, да патрон по карману нагрузили.

Хотели итти к себе в район, да не тут-то было, кругом поднялась такая трескотня, что и думать не приходилось побывать в своем районе.

Нас послали с пулеметом № 3 в засаду, в дом, где сейчас помещается студия Художественного театра. Потом нетерпеливые ребята стали сговариваться, как бы удрать в свой район.

Когда пришла смена, мы приготовились уходить, но уйти не пришлось.

Меня захватил людской водоворот, и я попал к градоначальству; взяли градоначальство, я стал искать своих ребят, а они уже удрали на Пресню.

Попал я на Пресню, уже когда все было тихо.

Вот и все мои воспоминания.

Ф. Киселев.

ИЗ РАССКАЗА КРАСНОГВАРДЕЙЦА—КОМСОМОЛЬЦА т. ЛЮБИМОВА.

(Выдержки.)

Первый день борьбы я был послан для связи в Московский Совет.

Но быть для связи очень скучно, и я предпочел, оставив за себя другого, уйти обратно в Пресню, в свой отряд, где были все знакомые ребята из Союза, вместе с которыми было нестрашно и весело.

На Поварской.

Пошли на Поварскую выполнить боевую задачу. Пули свищут со всех сторон, но угадать, откуда стреляют, сразу было нельзя.

Остановились, в нерешительности. Скоро пришла и разгадка.

Стреляли из домов, невидно, из окон, с чердаков, со всех сторон!

При обходе домов уходили задними, незнакомыми нам проходами... Как бы в утешение пришлось захватить только одного. Его отправили в штаб.

Успех хоть и небольшой, но все же поднял настроение, мы стали смелей. Чуть не до самого Арбата очистили мы Поварскую от скрытых засад...

На обратном пути наша уверенность поколебалась, когда с тылу мы начали обстреливать непрослеженные засады противника.

Свист пуль! Сзади кто-то вскрикивает: „Я ранен!“ — раздался за вскрикиванием неясный голос....

Выстрелы становятся реже, юнкера отходят, сестра уводит раненого, а мы начинаем готовиться к ночи....

На передовой линии.

Мы на передовой линии. Постукивают ребята прикладами ружей о тротуары, осторожно покашливают и дружески переругиваются.

С напряжением разглядывали мы тьму.

Но ночь прошла спокойно, и лишь на утро снова взялись за затворы.

Не было патронов, и если юнкера не подходили близко, мы не отвечали.

Один раз мы все-ж-таки их проучили, и они стали осторожней...

На помощь Симоновке.

С тремя товарищами по заводу записался на подкрепление в Симоновку.

Двадцать пять человек. Подали грузовик. В 3 часа ночи мы были в Симоновке. Симоновцы встретили радушно. Но тревога была напрасная, ночь прошла спокойно; вчетвером пешим порядком отправились мы тогда к Моссовету.

От Моссовета на Пресню.

У Моссовета снаряжался автомобиль на Пресню. Ребята рассказывали, что белогвардейцы подошли к самой Пресне, надо было ехать выручать Пресню.

Дорогой машину подстрелили, шофер был убит, и нам пешком пришлось пробраться к себе.

Положение было востановлено...

Ночь—и опять на посту. Раздумавшись отошел от ребят, начал было думать о смысле происходящего. Но все было ясно. Здесь мы добываем себе подлинную свободу...

Может быть, меня ранят...мелькнуло в голове.

Меня ранили.

Часа в 3 дня продвигаемся по Новинскому бульвару. Навстречу,—с винтовкой идет гимназист. Трое ребят бросились обезоруживать. Но вот, дальше уже цепь юнкеров. Залп. Ложимся, беспорядочно отвечаем. Заработали снова затворы.

Что, то теплое потекло по телу... Люди и деревья смешиваются в глазах, пробую кричать, но далеко, меня не слышат.

Наши победили.

В госпиталь приходили свои. И в первый день, когда я стал сознавать,—мне знакомые, близкие лица на мой вопрос:

—Сдались ли юнкера?

—Ответили:

Да, власть принадлежит нам!

ПРИГОТОВЬСЯ.

I.

Сумрачно в комнате у старой Мокевны, но еще сумрачней на душе.

Не может старая умом своим постигнуть:—И с чего это Васятка с ума сошел? Раньше был, как все люди; работал, проклинал заводскую жизнь, а теперь?... Отмахнулась Мокевна от налетевших мыслей, точно от мух.

— И что только с ним стало? Натащил себе орудий разных, ровно забастовщик какой. Наберет товарищей и сидит с ними всю ноченьку напролет. Эх, погубят его эти товарищи, как и отца. Чует материнское сердце. Бывало, скажешь ему: «Васятка, брось ты разные разговоры говорить, ведь этак и до утра прогуторишь, и некогда спать будет». А он улыбнется и скажет: «В военное время, мамочка, не спят». Да и опять за свое.

Ну, это хорошо, а то еще хуже было: уйдет на всю ночь, придет к первому гудку, схватит как полоумный кусок хлеба, да и марш на завод.

Ходит старая Мокевна по комнате, руками разводит:—Вот и сейчас его нету, а ведь с полудня ушел, на поселке огни зажгли.

Эх, хе, хе, грехи наши тяжкие!

Вздунула огонек, посмотрела в окно, ничего-то, ничего не видать, только снежинки, белые мушки, так и летят, так и летят на свет, да и тают на стеклах.

Ходит старая Мокевна, руками разводит.—Не понять мне, убей—не пойму.

II.

— Ведь вот он, мой соколик, на этом самом месте сидел, разговаривал, успокаивал меня, называл мамочкой; а как расслышал гудок в неурочное время, полночное,—орудие схватил да и был таков.

И куда его понесло?

Прильнула старая к окну, смотрит в темноту.

А по улице взад и вперед носились автомобили с красными флажками, как угорелые бегали люди в штатском с винтовками за плечами.

Перебрасывались на ходу короткими фразами, куда-то спешили.

Чутко слышит Мокевна. Не гляди, что старая,—чутко слышит...

— А жаль Васятку-то, парень-то какой был! А сейчас без руки.

Да, жаль парня. Засели это они вечером в парадной, дожидаются. Говорили, что к этой парадной автомобиль с белыми приедет.

Ну, и ждут, и впрямь автомобиль катит, и на нем пулемет.

Наши, как были восемь человек, крикнут: Стой,—стрелять будем!

— А они?

А они что? Остановились, да и только, хлоп—хлоп из револьвера, ну, и Васятке руку прострелили.

Как от огня отскочила Мокевна от стекла:

— Фтомобиль... Пулемет... в недоумении бормотала она потом простоволосой бросилась на улицу и босиком по снегу, бросилась догонять две уходившие фигуры.

Догнала, а под сердце подкатился шарик, дышать не дает...

— Да смотри-ка, Павел, ведь это Мокевна, Васяткина мать. Откуда такая она?

— И то.

— Васятке руку... Пулемет... Фтомобиль... бормотала Мокевна.

— Да ты успокойся, Мокевна, это все ничего, ну скорябнуло маненечко руку и пройдет.

Дрожит Мокевна, глаза налились кровью, губы бормочут что-то непонятное. Наконец, она, сжимая руку Павла в своих костлявых руках и заглянув ему в лицо, тихо, таинственно сказала: Это ты его убил?

— Да что ты, Мокевна, с ума сошла? Да я первый застрелил бы того, кто посмел поднять оружие на Васятку.

— Молчи, молчи, это ты его убил, ты убил... крикнула Мокевна на всю улицу.

— Да смотри-кась, она и впрямь свихнулась—обратился Павел к товарищу.

Да, с ума...

— А, Мокевна с ума сошла, вы думаете...

И она бросилась вдоль по улице с высоко поднятыми, сжатыми в кулак, руками и кричала:—Мокевна с ума сошла.., Васятке руку... Фтомобиль... Мокевна с ума сошла...

Прибежала к себе в комнату, забилась в угол и, поводя вокруг себя дико глазами, всю ночь бормотала что-то несвязное.

III.

Стекло на лампе еще с вечера лопнуло, комната наполнилась чадом. Мокевна, вся в копоти, сидела в углу и беспрерывно бормотала, бормотала.

Заплаканные окна покрылись копотью, и в них едва-едва была видна суетливая улица.

— Васятке руку... Фтомобиль... Пулемет... Мокевна с ума сошла... Тссс... Ты слышишь—несут... поют... это ангелы... вот... вот близко, вот они... бормотала Мокевна.

Потом, сорвавшись с места, бросилась к калитке, остановилась, прислушалась, и опять забормотала:—Музыка играет... Нет, это ангелы поют... несут... вот, вот близко... надо скамеечку вынести, панихидку отслужить... ведь один сын то был... Васятке руку... Фтомобиль... Пулемет... Мокевна с ума сошла. Сюда... сюда... Несите, ведь я мать же ему... кричала Мокевна кому то в даль.

— Эй, приготовься! Автомобиль с пулеметом идет!— пронеслось по поселковой улице...

Мокевна вскочила, как ужаленная.

— Автомобиль... Пулемет... Васятке руку... Мокевна с ума сошла. Мокевна схватила обледенелый кирпич и стала ждать... С грохотом и треском из-за поворота выехал автомобиль на улицу.

— Эй, приготовься,—раздался откуда-то окрик.

Автомобиль, позвякивая цепями, поровнялся с Мокевной, и вдруг ловко пущенный Мокевной кирпич попал в автомобиль, там кто-то застонал, оттуда послышались выстрелы...

— Ох-ох-хо-хо... Мокевна схватилась за простреленную грудь, повалилась, обливаясь кровью и окрашивая ею снег.

Вдогонку автомобилю затрещали выстрелы невидимых до того времени людей, и из окон, вместе с разбитыми стеклами, вылетели цветочные горшки.

И вокруг окровавленной Мокевны суетилась толпа с мокрыми полотенцами, обвязывали Мокевну, стараясь остановить кровь.

Мальчишки то там, то сям, шныряли в толпе, стараясь пробраться поближе к Мокевне.

— Что же, вы за Васяткой-то ходили?

— Нет! А где он?

— Да в Прохоровской больнице.

— Ну, тогда я сейчас побегу.

— Э, да поздно хватился, вон он сам идет.

— Василий идет! Васятка идет,—заговорила толпа.

А он шел бодро, рука на перевязи, подошел, наклонился к матери и только спросил:—Не умерла?

— Нет, еще не опамятовалась.

Василий пощупал пульс.

— Мамочка, мама, мама!—Мокевна пришла в себя и, дико вращая глазами, прохрипела:—Молчи! Это ты его убил.

— Мама, да это ведь я, твой сын Васятка.

— Молчи, скажи—это ты его убил?

— Берегись—раздался предупреждающий окрик.

— Снесите ее в комнату, обратился Василий к толпе. И потом крикнул:

— Если не наш, стреляй в шины, оно верней дело-то.

Толпа рассыпалась по домам.

Мокевну внесли в комнатку.

На снегу, где лежала Мокевна, бурело пятно.

— Берегись... раздалось последний раз.

— Приготовьсь... крикнул Василий.

Ф. Киселев.

Молодая Пресня в 23 году.
Бюро Красно-Пресненского Райкома Р.К.С.М: тт. Шмюльцберг, Пугач, Осипов, Иванов и Соловьев.

ПАМЯТИ ПАВШИХ КОМСОМОЛЬЦЕВ.

(НЕКРОЛОГИ).

ПАМЯТИ ГЕРОЯ.

(Анатолий Попов).

Пролетариат строит свою новую жизнь не только своими силами, он умеет всосать в себя и из других классов то, что внутренне крепко, чисто и честно. Мы знаем, сколько интеллигентных сил, вышедших из классов, с которыми пролетариат ведет борьбу, смертельно борется против этих классов плечо в плечо вместе с пролетариатом.

Рабочая молодежь, этот огромный кусок пролетариата в своей организованной части, обладает особенной способностью этого всасывания и перерабатывания в своей среде молодых сил, выходцев из других слоев, из других классов.

Комсомолец Попов Анатолий представляет особенно яркий пример пролетарского поглощения. Он происходит из интеллигентной трудовой семьи. Она была небогата, но все-таки с достатком, позволявшим окружить детство Анатолия культурной обстановкой, которая обычно недоступна подавляющей массе пролетарских детей.

Он был необыкновенно живой, впечатлительный, — веселый смех часто дрожал в его глазах и чувство правды жило в его душе. В гимназии учителя, особенно душившие учеников, бывали предметом его насмешек и проделок, за которые влетало. Было тяжело, но учиться приходилось,— так хотелось знания.

С организацией Коммунистического Союза Молодежи,— он стал его членом, деятельным и преданным. Из душной обстановки буржуазной гимназии попал в обстановку и атмосферу трудовой и пролетарской молодежи и почувствовал себя, как рыба в воде. В гимназии жизнь молодежи, ее отношения с учителями, между собой, определялись тугостью папашиной мошны; среди пролетарской молодежи эти отношения определялись только взаимными симпатиями, были просты, ясны, искренни. Союз, как гро-

мадная машина, зубьями стал обрабатывать нового члена.

Своей грубоватой прямотой он обдирал с него интеллигентскую мягкотелость, условность, предрассудки, неизбежно прививаемые гимназией и пребыванием в буржуазной обстановке, и взамен выковывал способность к борьбе, настойчивость, пренебрежение к опасности—свойства, которые выковываются в пролетарском юношестве всей тяжкой обстановкой их жизни. Гимназия дала ему знание, Союз дал сердце пролетария и руку бойца.

Гимназия не могла этого простить, началась невероятная, подлая травля как со стороны учеников, так и со стороны учителей. Он ушел оттуда.

Союз дал свои задания и в грянувшую пролетарскую революцию он их свято выполнял, как и все комсомольцы.

В Кремле при занятии его в Октябрьские дни юнкерами он вместе с товарищем Дугачевым избег расстрела.

Когда буржуазия была сломлена, началась напряженная партийная и союзная работа.

А буржуазные враги не дремали; с севера, с юга, с запада, с востока напирали буржуазно-помещичьи войска. Революционной армии до зареза были нужны пролетарские командиры. Анатолий, как и многие комсомольцы, откликнулся на призыв и пошел в артиллерийскую школу. Кончил, его отправили на северный фронт.

Тут наступали от Архангельска черносотенно-белые войска генерала Мюллера, а по многоводной Северной Двине канонерки англичан. У нас не было боевых судов. Поставили орудие на самые обыкновенные рабочие буксиры и стали драться. Анатолий был назначен начальником артиллерии на один из таких пароходов. Трудно и тяжело было драться деревянным, совершенно неприспособленным на то буксирам, с закованными в бронь английскими канонерками, из которых били тяжелые орудия.

Бывало, встретятся две эскадры, пролетарская ободранная и английская буржуазная, одетая по последней моде в сталь, начинается бой.

Англичане не торопятся подходить,—их орудия хватают гораздо дальше, чем красные, и над буксирами рвется шрапнель, взрываются гранаты, выламываются борты, сносятся трубы, рубки, со стоном падают люди, но смерть проно-

сила свою холодную руку над головой Анатолия. Приходилось прибегать к хитрости: ночью на берегу замаскированно ставили батареи и, когда зарвавшиеся англичане равнялись, били в них в упор, сносили трубы и на боку канонерки уходили в Архангельск, — сбивали с них спесь.

С севера Анатолия перебросили на юг. Дрались с Деникиным. Анатолий был назначен комиссаром бригады. Но ему поручали боевые задания. Так, в Донбассе ему дали два броне-поезда, с заданием взять станцию.

Он повел. Огонь с батареи противника и с его броне-поездов был чудовищный. Петербургские рабочие, путиловцы, сами оборудовавшие поезд, хмурые, сосредоточеные, черные от копоти, масла и дыма, уже закаленные в боях, смотрели в глаза своему юному командиру,—им нужно было, чтоб кто-то спокойный, уверенный холодно отдавал приказания. Огонь противника разросся невероятно. Обозначился отход в тыл, пришлось отступить. Броне-поезда беспощадно обстреливаясь, медленно стали отходить. Молодые силы не выдержали напряжения, Анатолий поднялся на крышу броне-поезда, лег и лежал, как мертвый.

Кругом бешено рвались снаряды, превращая ночь в день, и броне-поезд дрожал от губительных залпов. Но смерть проносила свою руку над головой юноши. Минуты две неподвижности, свежего ветерка, звездного неба воротили силы. Он спустился, велел быстро отойти. Забрали запас снарядов, осмотрели, оправили и снова пошли в ураган огня. Станция была взята.

На Дону стал разгораться пожар восстания. Анатолия перебросили на Дон и назначили комиссаром Особого Отряда по подавлению восстания. Положение было чрезвычайно трудное. Казаки, как тучи, поднимались со всех сторон, ворвались в Воронежскую губернию, взяли Калач. Надо было отбить, но он был сильно укреплен. Ночью пошла густая мятель, зги не видать. Анатолий убеждал командира ударить ночной атакой.

— „Что Вы! В эдакую-то темь, да мятель. Да наши все перепутаются. В этой каше отряда-то не соберешь,—тогда голыми руками бери".

Но Анатолий на эту дьявольскую ночь, метавшуюся в бушующем снегу, и расчитывал, — противник меньше всего

ожидал, чтобы кому-нибудь пришло в голову итти в атаку в эту ночь.

Ему дали охотников и в кромешной тьме, белесо мятущейся снегом, они пошли, держась друг за друга, чтобы не разорваться и не рассеяться в степи.

Расчет оказался верен: казаки меньше всего ожидали нападения, в ужасе не успевали садиться на лошадей и кидались бежать раздетые, куда попало. Калач был взят.

Наконец, Анатолий попадает в армию Буденного,—она была брошена на ликвидацию прорыва Мамонтова. Люди кругом валились от тифа. В избах валялись в бреду и мертвые; 17 октября 1919 года свалился в жару и Анатолий; при страшно мучительной обстановке, его дотащили в Козлов, а 30 октября сгорела юная жизнь.

Так жил и умер один из комсомольцев, положивших свои головы за счастье пролетариата.

А. Серафимович.

ОДИН ИЗ МНОГИХ.

(*Устинов*).

Что можно сказать об *Устинове*?

Устинов принадлежал к той группе ребят у нас в Союзе, которые, не выделяясь ничем из массы середняков, в то же время выносят на своих плечах главную тяжесть повседневной работы организации. Скоро забываемые организацией, они по справедливости являются для нее и духовными руководителями и искусными организаторами.

И очень трудно говорить об *Устинове*, потому что мы не привыкли примечать, понимать таких ребят. Для нас существуют резко выделяющиеся личности.

Он и организатор, но не выделяется, он и агитатор, но не красно говорит. Всегда общительный, чуткий, спокойный, он точно разглядывает, изучает тебя, забираясь далеко в глубь души. Застенчив он, быстро стушевывается и прячется, когда замечаешь его наблюдение. Не навязчивый в обращении с ребятами, он никогда не бывает назойливым;—искренний и прямой, не стесняющийся иногда и крепкими словечками для обуздания ребят! Но все это как-то не обижает

тебя, ибо каждый чувствует за этой резкостью большую продуманность и неподкупную честность. Неуклюжесть, медлительность только дополняет его и притягивает к нему.

Устинов хороший организатор, энергичный, напористый в работе, но не только, как исполнитель. Редко выступая на собрании, он, когда все же начинает говорить, своей простотой, искренностью и убедительностью как-то сразу обуздывает и заражает аудиторию. Слушаешь его и чувствуешь, что все то, что он говорит сейчас, есть частичка его самого, и что все его выступления являются результатом большой проделанной самостоятельной работы в себе и над собой.

Устинов вошел в Союз в начале июня 17 года и с этого времени, до своего отъезда на фронт, он активно работал и в Союзе, и в Партии. Он ведет и культурно-просветительную работу, устраивая концерты и вечера, он бегает и по заводам, организуя ячейки, он работает со всеми и везде, не забывая участвовать в кружках по изучению литературы и политики.

Во время Октябрьских боев, *Устинов* бьется на баррикадах, не спит несколько ночей подряд, охраняя магазины от разграбления, делая все это бесшумно и незаметно. В октябре же *Устинов* по оплошности одного товарища получает ранение. Левая рука висит как плеть, вследствие повреждения сухожилий, но он не горюет.

Пробыв на Пресне до 18 года секретарем райкома, он с неоправившейся еще рукой уезжает на фронт; будучи там политкомом какой-то части, *Устинов* во время сильных боев с деникинцами пропадает без вести. Никакие справки, наводимые нами, не принесли нам утешительных вестей. Он несомненно погиб—в бою ли, или попав в плен (рука его и на фронте не действовала) к белогвардейцам. Мы не знаем. Знаем одно, что *Устинов* смог умереть спокойно, не сказав ни одного слова о пощаде.

Так жил, горел и умер *Устинов*.

У нас немного таких *Устиновых* в Союзе. Тем дороже и ближе делается нам, знавшим и работавшим с ним.

Наш Союз должен гордиться *Устиновым*. Рабочая молодежь должна знать и свято хранить память о нем.

Спи с миром, дорогой товарищ, мы помним и любим тебя.

М. Д.

БРАТЬЯ ШТЕРН.

Оба молодые, 16 и 18 лет, полные революционного энтузиазма, безумно храбрые, во весь рост в цепи под любым огнем белогвардейской рати, скромные и на редкость чуткие ко всем товарищеским запросам — это и есть братья *Штерн*.

Они гордость полка, гордость и слава юных коммунаров — добровольцы Красной Пресни, пионеры Союза рабочей молодежи, „3-й Интернационал".

В августе 19 года, когда добровольческий 21 Московский полк отправился на южный фронт, братья *Штерн* выехали с полком добровольцами. Оказавшись поразительно способными и восприимчивыми они занимают места 1 — 2 номеров пулеметчиков, нанося в боях жестокий урон белым.

Что ни бой, — ряды трупов белогвардейцев, сраженные пулеметчиками — братьями *Штерн*.

Первые в боевой работе, первые и в ячейке, они ревностно проводят коммунистическое воспитание кр-цев. Часто ночью на позиции, лежа целой группой у пулемета, кр-цы жадно слушают братьев *Штерн* и к рассвету, расходясь по своим местам. у них нет больше сомнений, нет колебаний. Красная Пресня Юных Коммунаров может гордиться товарищами братьями *Штерн*, светлыми проводниками революционных идей, державшими высоко красное знамя своего Союза.

Весной 19 года, в непроглядную темную ночь, по колени в грязи, в сильный ливень, два батальона полка неслышно пробираются к позиции противника... Нащупали окопы белых. Залегли. Чуть засерело утро, и дружное громкое ура...

Перебегаем окопы белых, бежим через станицу на понтон, — через Северный Донец, – отрезать противнику отступление. Конница белых в панике бросается в Донец. Пулеметно-ружейный огонь довершает разгром конной группы противника. Захваченными орудиями пользуемся против белых. Прямой наводкой отбиваются резервы противника, спешившие на помощь.

Два брата *Штерн* по жестокому, ружейному огню перебегают через мост на другую сторону Донца с пулеметом

и отбивают штурмующую роту из резерва белых. Белые с новым ожесточением переходят в контр—атаку. Дистанция от пулеметчиков *Штерн*—250 шагов. Младший подает ленту и падает у пулемета, раненый в голову. Старший снова заряжает и кладет одну за другой цепи белых, пока не падает, сраженный пулей.

Тогда оба брата, истекая кровью, не желая отдать врагам рабочего класса пулеметы, пытаются выкинуть замок.

Гранаты противника разбивают мост и помощь отрезана.

Захваченые белогвардейцами, братья *Штерн* приговариваются к расстрелу. Спокойно, с гордым сознанием в торжество дела рабочего класса и полным презрением к смерти, с открытыми глазами, братья *Штерн* встречают дуло ружей. Они умерли, как герои.

Вечная память, дорогие товарищи — братья! Начатое Вами дело продолжат новые ряды юных бойцов!

Честная пролетарская жизнь, революционная борьба и смерть братьев *Штерн* укрепляет сознание революционного долга и будит ненависть к буржуазии в рядах Юных Коммунаров. В бою угнетенных с мировой буржуазией смерть братьев *Штерн* будет отомщена.

Михаил Златоверов.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

1. Предисловие.—Редакция 5
2. Октябрь на Пресне.—Стихотворение *А. Безыменского* 8
3. Заветы Октября.—*А. З.* 10
4. Первый камень.—*М. Дугачев.* 14
5. Вместе с Партией.—*М. Дугачев.* 21
6. Очерк боев на Пресне.—*М. Златоверов.* 26

На баррикадах (воспоминания).

7. На Пресне в Октябре.—*М. Дугачев* 39
8. Лицом к лицу.—*А. Литвейко.* 47
9. В Октябрьские дни.—*Ф. Киселев* 50
10. Из рассказа красногвардейца — комсомольца т. Любимова (выдержка) 54
11. Приготовься.—*Ф. Киселев.* 57

Памяти павших комсомольцев.

12. Памяти героя (Анатолий Попов)—*А. Серафимович.* 65
13. Один из многих (Устинов). — *М. Д.* 68
14. Братья Штерн.—*Мих. Златоверов.* 70

Приложение: карта расположения Красногвардейских сил в Октябре . . . . . 65—72

Приложение.

Расположение Красногвардейских сил на Пресне в Октябре.

оооoo на 27 октября
---- „ 29 „ „
+ + + + „ 30 „ „
нач Кудринск Штаб красных
бол. Предтеч. Райком
Кам ком вал Ревком
● между Щубинск и Смолен Школа прапор.